

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОСТКОНФЛИКТНОГО РЕГИОНА

М.М. ЮСУПОВ

В российском обществе осознается необходимость ускорения экономического роста, повышения уровня социального благополучия путем модернизации страны. Она предполагает обновление всех сфер жизни: технической, экономической, политической, социальной. Процесс этот – сложный, многоуровневый и многоплановый, от постановки и решения его задач во многом зависит дальнейшая судьба России, выработка долговременной стратегии развития страны и ее место в мире¹.

Модернизацию рассматривают как процесс изменения, обновления в соответствии с новейшими, современными требованиями и нормами. Первоначально модернизацию рассматривали как однолинейный переход от простых форм социальной и экономической организации к сложным образованиям. Например, от аграрного общества к индустриальному и постиндустриальному, или иначе – от традиционного общества к современному. Однако мировая практика показывает возможность многолинейной модернизации. Сегодня исследователи разных научных школ признают поливариантность социального развития, ошибочность однозначного восприятия традиционного как препятствия экономическим и социальным изменениям, демократическому устройству общества. Настоящее и прошлое взаимопроникают, и социокультурная целостность сочетает в себе традиционные и современные элементы. При этом модернизация имеет не только онтологическое основание, но и аксиологический компонент. Социально-экономические преобразования во многом зависят от развитости демократических институтов и социокультурных ценностей в обществе.

Модернизация характеризуется как процесс технологических, экономических, социокультурных и политических изменений общества, которые оказывают кардинальное воздействие на экономическую организацию, социальную стратификацию, ценностные представления и в целом на повседневную жизнь людей². Отдельные авторы называют модернизацией только объективно происходящие «снизу» процессы свободной социальной трансформации, приводящие к формированию индустриального общества³. Другие рассматривают ее в контексте осуществляемой государством социально-экономической политики, считая, что Россия нуждается в системной модернизации, что означает качествен-

ное, охватывающее все сферы жизнедеятельности и все уровни организации государственной и общественной жизни обновление общества по горизонтали и вертикали⁴. Авторы аналитического доклада Центра социокультурных изменений ИФ РАН отмечают, что модернизация есть комплексный способ решения политических и экономических, социальных и культурных задач, которые в полный рост стоят перед российским государством и обществом в контексте внутренних, мегарегиональных и глобальных угроз и рисков. Это совокупность интенсивных процессов технического, экономического и социокультурного развития общества (страны и ее регионов). Целевыми функциями этого развития являются: безопасность государства и общества, эффективное функционирование всех их структур⁵. По мнению авторов книги «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010)», основная цель модернизации – социальное благополучие в обществе. Они считают, что социальная модернизация сфокусирована на улучшении социальной жизни и социальной структуры, отдают приоритет повышению качества жизни, социальной трансформации и повышению гражданской ответственности⁶.

Многие исследователи отмечают, что в проводивших модернизацию странах происходила полная или частичная вестернизация⁷. Поэтому выстраивание национальной стратегии требует локализации теории модернизации применительно к специфике проблем развития России⁸. Можно поддержать идею В.Г. Федотовой о необходимости создания национальной модели модернизации⁹. При этом локальные различия следует рассматривать не как тормоз развития, а как источник креативности, потенциальных инноваций, которые могут быть востребованы на современном и будущих этапах исторической и социокультурной динамики¹⁰.

Предмет исследования в данной статье – специфика социокультурной модернизации в постконфликтном регионе. На территории, пережившей вооруженный конфликт, существуют не только общие, присущие всей социальной системе страны черты, но и специфические обстоятельства. Это социальная неустойчивость, низкий уровень безопасности, слабая защищенность прав и свобод граждан, массовая безработица, незначительный опыт функционирования многих воссозданных социальных институтов.

Не менее важен и другой момент. Россия – полиэтническая и поликонфессиональная страна со своей многообразной культурой, причем ее субъекты находятся как бы на разных «стадиях» развития, отдельные из них, прежде всего крупные мегаполисы, вступили в постиндустриальное состояние, другие находятся на пути обретения статуса индустриального региона. Такая социальная палитра предполагает учет прямой связи между количественным со-

циальным развитием данного общества и динамикой его основных ценностей, необходимости сокращения дистанции между гражданами и органами власти¹¹. При разработке стратегии и программы модернизации страны нужно предусматривать региональные подмодели, в которых бы учитывались природно-географический ландшафт, конфессиональное и этнокультурное многообразие, разные уровни модернизованности и социально-исторический опыт.

В качестве механизмов реализации общей стратегии модернизации выступают задачи обновления социально-экономического сектора, совершенствования политической системы, установления идеологического плюрализма, формирования современной личности гражданина¹².

В постконфликтном регионе должны быть предварительно решены следующие проблемы: воссоздание и развитие экономики, налаживание работы и улучшение качества систем здравоохранения и образования, преодоление гуманитарных травм, медицинская и социальная реабилитация населения, материальная и моральная компенсация.

Чечня и весь Северо-Кавказский регион, как и другие территории, пережили ряд модернизационных периодов — перехода на путь индустриального развития и социокультурного обновления.

Социально-исторические периоды и тенденции развития региона

1859 — 1917 гг. — присоединение Чечни к России в результате завершения Кавказской войны. Ограничение общественного самоуправления, установление государственной военизированной системы административного управления. Включение различных групп населения в складывающиеся капиталистические формы экономических связей. Возникновение основ нефтедобывающей и машиностроительной промышленности, строительство железной дороги, с 1897 г. начата добыча нефти. По условиям прекращения войны местное население не призывалось в армию, но из числа добровольцев формируется чеченская военная элита, вошедшая в русскую армию в качестве офицеров. Образуется слой землевладельцев и нефтепромышленников, появляются ростки светского образования. Одновременно шло обезземеливание горских и плоскостных крестьян, периодически происходят восстания, зарождается абречество как форма индивидуально-группового вооруженного сопротивления власти. В массовом сознании формируется конфронтационное восприятие отношений государства и народа.

1917 — 1991 гг. — революция, Гражданская война и последующее мирное строительство явились мощными ускорителями модернизационных изменений в социальной структуре и культуре народа.

«Перегибы» в проведении коллективизации, многочисленные факты репрессий не могут перечеркнуть общую закономерность осовременивания социальной жизни. В советские годы интенсивно протекает процесс становления рабочего класса, управленческих кадров, национальной интеллигенции, зарождения и развития литературы, театрального и иных форм искусства, развития начального, среднего и высшего профессионального образования. Эти социальные изменения были прерваны на 13 лет в результате депортации 1944 г. С восстановлением Чечено-Ингушской республики в 1957 г. народ пережил настоящий ренессанс во всех сферах социальной жизни, хотя и сохранилось отставание по многим социальным показателям по сравнению с соседними республиками как следствие пережитого трагического события. Вместе с тем, шло накопление социального недовольства по причине дефицита рабочих мест, прежде всего, в сельской местности, из-за отсутствия возможности удовлетворения многих социальных нужд. Политический кризис августа 1991 г. в Москве и в Грозном вылился в мобилизацию значительной части населения на социально-политические перемены.

1991 г. — возникшая социальная напряженность перерастает во внутречеченский социально-политический конфликт, а затем и в российско-чеченский. 6 сентября 1991 г. происходит смена партийно-советской власти, десоветизация в Чеченской республике совершилась на 2 года раньше, чем в остальной России. Конструктивные функции конфликта проявились в пробуждении социальной и гражданской активности, стремлении общественных групп влиять на власть, принятие решений, строить диалог, свободно выражать свои мнения и позиции. В формирующейся экономической политике упор делается на утверждение многообразия форм собственности, создание условий развития рыночных отношений. В повседневной жизни наблюдается активизация качеств индивидуализма, инициативы и предприимчивости, открытости к нововведениям. Деструктивные функции выразились в разрыве экономических связей, спаде темпов и объемов производства. Слабость новых административных институтов и общественных объединений спровоцировала архаизацию некоторых форм социальных связей и отношений, актуализацию традиций и обычаев. В сфере политики право республики на широкую самостоятельность вплоть до обретения независимости отстает в форме готовности к силовым действиям, а не посредством маневренности и гибкости, конструктивного диалога. То, что ни центр, ни регион оказались не готовы к цивилизованному урегулированию противоречий, способствовало перерастанию регионального политического конфликта в Первую и Вторую войны (1994 — 1996, 1999 — 2003).

Три обозначенных периода имеют некоторые общие трагические особенности. В каждом из них произошли события, оказавшие сильное влияние на социокультурное развитие народа. Так, в первый период в результате многолетней Кавказской войны, была подорвана местная экономика, а демографические потери, по мнению некоторых историков, составили не менее половины населения. Во второй период Чечне, наряду с другими регионами страны, пришлось пережить тяготы Гражданской войны, в последующем репрессии, а также депортацию, в ходе которой погибло не менее трети населения. И, наконец, в третий период по многим экспертным оценкам, в двух войнах регион понес потери примерно в 100 тысяч чел., что составляет 10% населения разной национальности. Все эти трагические события оборачивались тем, что уходили десятилетия на восстановление демографических ресурсов (жизнь одного-двух поколений), социального здоровья, жилья, историко-культурного наследия и ограничивались возможности развития образования, науки, технических знаний.

Другая особенность состоит в том, что в первый и второй периоды на социальную модернизацию региона влияли, преимущественно, экзогенные факторы, в третий — эндогенные. Региональная общность воспроизводит себя на своей социокультурной основе, в которой органически взаимопроникают российскость и этнокультурность.

Второй период характеризовался почти тотальной секуляризацией всех сфер жизнедеятельности, за исключением семейно-бытовой. Третий период, напротив, отличается десекуляризацией основных жизненных сфер, в том числе нередко и социального управления. Тем не менее, несмотря на пережитые трагические обстоятельства, регион развивается по линии социального прогресса.

Социокультурные особенности региона

Чеченская Республика расположена в северо-восточной части Северного Кавказа. Территория республики составляет около 15,6 тыс. кв. км. Она граничит на западе с Ингушетией, граница с которой не определена, на севере со Ставропольским краем, на востоке с Дагестаном, на юге с Грузией. Население ЧР на 1 января 2012 г. составило 1 302 165 чел., из них городских жителей — 35%, сельских — 65%. Плотность населения — 81,5 чел. на 1 кв. км¹³.

Этническая структура: 95,3% чеченцев, 1,9% русских, 1% кумыков, 1,8 % — граждан других национальностей (ингуши, аварцы, ногайцы и др.)¹⁴. Грамотность населения составляет 96%. Основные религии — ислам и православие, все мусульмане — сунниты.

В августе — сентябре 1991 г. возникает социально-политический кризис, переросший во внутрирегиональный конфликт, а затем в

национально-политический конфликт между федеральным Центром и республикой и в военные действия. Во Вторую военную кампанию конфликт удалось урегулировать военно-силовыми методами. Назначенная Центром администрация республики была легитимизирована проведением в 2003 г. референдума по принятию новой Конституции ЧР, выборов президента, а затем и парламента. 16 апреля 2009 г. на территории ЧР был отменен режим контртеррористической операции (КТО).

Постконфликтная ситуация характеризуется деятельностью по восстановлению и развитию социально-экономической инфраструктуры, ее основу образуют нефтедобывающая отрасль, аграрный комплекс и сфера услуг. Дотационность республики составляет около 90%. Уровень зарегистрированной безработицы в 2010 г. составил 42,7%, из числа безработных имели высшее профессиональное образование 9%, среднее профессиональное – 12,1%, среднее общее – 60,4%¹⁵.

В настоящее время в Чеченской Республике издаются художественные журналы на чеченском (2) и русском (2) языках, действуют четыре театра, три музея. Охват территории телевизионным и радиовещанием: телеканал Россия – 84,6%, 1-й канал – 77,4%, радио Россия – 76,1%, радиостанция Маяк – 58,1%. Число организаций, имеющих вебсайт – 17,5% (в РФ – 28,5%). Выпускаются газеты – их число на 1000 чел. – 50, в СКФО – 286, в РФ – 1501¹⁶.

В республике функционируют пять вузов, в них обучается более 30 тыс. студентов.

Официальные языки: российский государственный – русский и региональный государственный – чеченский. По итогам Всероссийской переписи 2002 г. русский язык знают – 82,9%, чеченский – 97,8%.

Современное состояние социокультурной сферы региона определяется, во-первых, историко-культурным наследием, социальной практикой, уровнем развития системы экономических отношений, во-вторых, последствиями вооруженного конфликта. Республика переживает процесс восстановления и развития социально-экономической и культурно-информационной инфраструктуры, социальной и медицинской реабилитации населения. В повседневной жизни доминируют традиционные стандарты поведения и образа жизни.

Уровень модернизации региона

В обзорном докладе о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010) различают два исторических этапа (или вида) модернизации: индустриальная (первичная) и информационная, основанная на знаниях (вторичная); их координация, обеспечивающая эффективное снижение угроз и рисков, означает интегрированную модернизацию¹⁷.

В Чечне первая и вторая модернизации рассогласованы, что обусловлено происшедшей в результате войны деиндустриализацией. В советские годы республика была индустриально-аграрной с развитыми отраслями нефтедобычи, нефтепереработки, машиностроения и приборостроения, действовали также наукоемкие предприятия и технические НИИ. На современном этапе возрождающаяся экономика — преимущественно сырьевая. Наряду с нефтедобычей точно создаются предприятия машиностроения и агрокомплекса, сфера услуг развивается на основе малого и среднего предпринимательства. В будущем предполагается построить объекты рекреационно-туристической направленности. В конце 80-х гг. XX в. удельный вес населения и доля валового регионального продукта в социально-экономических показателях РФ составляли 1% и 7%, в настоящем 0,9% и 0,2% соответственно¹⁸.

Общий уровень социокультурных показателей региона в два раза ниже среднероссийского. Это наглядно просматривается по вопросам удовлетворенности трудом и жизнью, уровню доходов, демократизации общественно-политической жизни. Низкий уровень социокультурных параметров образует предпосылки для социальной неустойчивости, для возникновения социальных вызовов. Так, индекс внутреннего регионального продукта на душу населения как один из показателей первичной модернизации с 2005 по 2010 гг. вырос в два раза и составил 22¹⁹, но он почти в пять раз ниже общероссийского индекса, который в эти годы равнялся 100. Динамика качества жизни, складывающаяся из продолжительности жизни, младенческой смертности и других показателей, в 2005 и 2010 гг. имела индексное выражение 74 и 88 соответственно, в стране в целом — 84 и 94. Индекс качества экономики в 2008 — 2010 гг. оставался неизменным и составлял — 42, а в стране он снизился с 51 до 47²⁰.

Общую картину модернизации региона отражают следующие показатели. Индекс первичной модернизации ЧР составил в 2005 и 2010 гг. 86,4 и 89,2 соответственно, вторичной модернизации в 2008 и 2010 гг. — 45 и 58 соответственно, в эти же годы индекс интегрированной модернизации составил 53 и 54 соответственно. Данные параметры заметно ниже среднероссийских, но имеют позитивную динамику. Однако ее основа — дотационная и предстает деятельность по превращению региона в самодостаточный субъект федерации.

Социокультурные изменения в регионе

В модернизации социокультурной сферы роль движущего фактора играет город. Уровень урбанизации служит значимым показателем социокультурных изменений. В 2000 — 2009 гг. в РФ

и на Северном Кавказе не происходил заметный рост горожан, он колебался в пределах 1 – 2%. По мнению ряда авторов, урбанизированность российского общества не соответствует стандартам развитых стран. Это сдерживает распространение городской культуры, становление новых социальных институтов и отношений, моделей поведения и образа жизни.

Удельный вес городского населения в ЧР составляет 35%, что в два раза ниже, чем в среднем по России. При этом 61% горожан проживают в Грозном. Уместно отметить, что Грозный возник в 1818 г. как крепость на месте разрушенных четырех населенных пунктов и был преобразован в город в 1870 г. Однако изначально он развивался как русский город, в конце XIX в. он стал многонациональным, в нем проживало очень мало чеченцев. Например, в 1926 г. в составе жителей Грозного чеченцы составляли 2%, в дальнейшем наблюдались тенденции постепенного увеличения численности чеченцев и уменьшения русских. Так, в 1959 г. русских в Грозном было 78,1%, а в 1989 г. – 52,9%, чеченцев соответственно 6,7% и 30,5%. Эти восходящие и нисходящие этнически окрашенные урбанизационные тенденции были обусловлены демографическими и миграционными факторами. По итогам Всесоюзной переписи 1989 г. в Грозном проживало 397 258 чел., а по предварительным данным Всероссийской переписи 2010 г. численность населения столицы ЧР составила 270 тыс. человек, из них чеченцы составляли 96%²¹.

Итак, за последние 20 лет численность населения Грозного сократилась, причем войной была почти полностью разрушена более, чем полуторавековая городская практика, сложившаяся полиэтническая субкультура, в которой сегментами ядра выступали, прежде всего, русский и универсальный компоненты.

Сейчас Грозный возрождается заново, прежние жители: русские и другие национальности, чеченцы, переехали в другие российские города. В восстановленной столице ЧР около 80% – бывшие жители сел и малых городов, многие из них горожане в первом поколении и не имеют практики общественного обустройства в городском пространстве. Другая отличительная особенность города – его гомогенность, складывающийся городской социум развивается на региональной социокультурной основе с явно выраженными этнокультурными и исламскими элементами. Центр города занимает недавно возведенный исламский комплекс с самой большой в Европе мечетью вместимостью в 10 тыс. человек. Он как бы олицетворяет один из векторов социокультурного развития региона. Кстати, напротив этого комплекса отстроен деловой центр «Грозный-Сити», который ассоциируется с устремлениями местного сообщества в мир большого бизнеса.

В республике есть еще четыре города, в двух из них – Гудермесе и Аргуне не завершено формирование городской инфраструктуры, в них сочетаются городской и сельский уклады жизни. Два других – Шали и Урус-Мартан – формально имеют статус города, но инфраструктура в них сельская и жителям присущ традиционный образ жизни.

Как видим, проблема не только в двукратном отставании региона в сфере урбанизации от среднероссийского показателя, но и в том, что имеющийся слой горожан по своему социальному опыту, ментальности, привычкам воспроизводит преимущественно традиционные ценности и ориентации. Поэтому предстоит долгий путь, во-первых, расширения и углубления урбанизации посредством вовлечения людей в деятельность высокотехнологичных предприятий и современные виды услуг, во-вторых, модернизации социокультурного пространства города, в частности, форм организации быта, досуга, соучастия в общественных делах.

В проведении модернизации в социальной сфере определяющим фактором служит образование. Уровень грамотности среди взрослых в республике превышает стандартное значение (80) и равен 96%, а индекс грамотности – 100, как и по всей стране. Однако существует отставание по удельному весу лиц с высшим образованием, правда, разрыв этот постепенно сокращается. Между последними переписями население ЧР увеличилось на 15%, а количество студентов в два раза. В 2002 г. на 1000 чел. старше 15 лет имели высшее образование в ЧР – 71, РФ – 157, в 2010 г. соответственно 115 и 228²².

Проблемы, касающиеся состояния образования, привлекают внимание населения, но его значение в массовом сознании воспринимается чаще утилитарно, как средство преуспевания индивида, достижения им высокого социального статуса. В то же время многими недопонимается самооценочность знаний, их роль в обеспечении социального прогресса, ускорении социальной модернизации. Такое понимание значимости образования негативно сказывается на становлении интеллектуального капитала, повышении роли знаний в производственно-техническом и социальном проектировании.

В ЧР численность ученых и инженеров, занятых в НИОКР, на 10 000 чел. в 15 раз меньше, чем по стране в целом, а число жителей, подавших патентные заявки на 1 млн чел. составило в 2010 г. – 27, в среднем по стране – 283, тогда как общепринятый стандартный показатель развитых стран – 745. В целом по критериям вторичной модернизации просматривается небольшая динамика индекса инноваций в знаниях в ЧР и РФ в 2008 и 2010 гг., соответственно 17 – 18 и 52 – 60. По параметрам интегрированной модернизации в указанные годы индекс знаний составил в ЧР 48 – 49, в РФ 54 – 64.

Таким образом, в области производства знаний регион находится в самом начале пути, дальнейшее продвижение в этом направлении будет зависеть от качества образования, способности специалистов продуцировать новые знания и применять их в производственно-экономической и культурной жизни.

Модернизация в аксиологическом измерении выступает как преобразование социальной реальности, переструктурирование иерархии ценностей. Модернизационные успехи предопределяются изменениями в общественном сознании, обновлением паттернов культуры. В этом смысле заслуживают внимания выводы Р. Инглхарта, сделанные на основе сравнительного анализа ценностей ряда стран. В них просматривается связь ценностных установок, экономического преуспеяния и эффективности функционирования государства²³. Это позволяет говорить о предрасположенности той или иной общности, государства к определенному типу социальной модернизации. Особенность постконфликтного региона состоит в преобладании ценностных ориентаций на реконструкцию жизнедеятельной социальной среды, физическое воспроизводство. Здесь реже по сравнению с другими территориями страны в общественных акциях, дискуссиях используется термин «модернизация», более востребованными оказываются слова «возрождение», «восстановление», «стабилизация», «согласие». При этом термин «возрождение» приобретает статус ценности и понимается широко: как восстановление экономической, социальной и культурной жизни. На первоначальном этапе в постконфликтной ситуации восстанавливаются объекты жизнеобеспечения, образовательного, здравоохраненческого и культурного назначения, затем у представителей гуманитарной интеллигенции и республиканской власти возникают опасения за состояние социокультурных ценностей. Такая озабоченность вызвана тем, что военные действия деформировали существовавшую структуру, формы социальных связей и отношений, ослабили регуляторные функции традиционных норм и ценностей, спровоцировали рост социальных девиаций. Именно как реакцию на переживаемую ситуацию нужно рассматривать наблюдаемые факты архаизации некоторых сторон социальных отношений, что сопровождается установлением клановости в системе власти и на экономическом поле. Своеобразный социальный откат в прошлое не получает общественного противодействия не только по причине отсутствия зрелых гражданских институтов, но и в силу вынужденного пребывания основных групп населения в ситуации социального выживания, заживления гуманитарных травм. Сложившийся социальный контекст обуславливает соответствующие потребности и ценности.

В системе социальных ценностей для населения ключевыми являются витальные ценности: семья, материальный достаток, здоровье, благополучие детей. Они отражают социальную потребность физического самосохранения и демографического воспроизводства, а ценности «самоуважения», «самореализации», «приобретения знаний», остаются пока мало востребованными. Предпочтения, выявленные на основе анализа 14 базовых ценностей, также показывают, при некотором различии, близость социокультурного восприятия действительности в российском и региональном сообществах. Интегрирующее ядро образуют в стране в целом семья, порядок, общительность²⁴. В Чечне — жизнь человека, жертвенность, семья, традиция, порядок.

В то же время социологические данные свидетельствуют о том, что некоторая часть людей предрасположена к партикулярным нормам и склонна придерживаться современных ценностей. Региональная общность как бы расслоилась на две половины — приверженцев накопленного опыта и тех, кто желает обновлений; последователей традиций и обычаев и испытывающих потребность жить по гражданским нормам. Это подтверждает и цивилизационная модель базовых ценностей населения ЧР. В ней индекс выраженности традиционных ценностей — 4,05, общечеловеческих — 3,87, либеральных — 4,27. При этом надо признать, что мировоззрению и ценностным установкам многих граждан республики присущ синкретизм, нерасчлененность традиционного и современного. Хотя люди, особенно молодые, вербально могут придерживаться традиционных установок, а на практике действовать в духе либеральных ценностей, с учетом своих индивидуальных интересов. Однако в общем в республике преобладают терминальные ценности (4,54), отражающие целевые установки; менее выражены инструментальные (3,52), служащие средством реализации смыслов жизни.

Таким образом, региональная общность находится в переходном состоянии, как и все российское общество. Трансформирующееся общество воспринимает инокультурные инновации, изменяя, адаптируя их, и тем самым формирует жизнеспособные социокультурные нормы и ценности²⁵. Иерархическая структура ценностей подвижна, в ее изменении инновационную роль может сыграть активизация ценностного потенциала модернизации — инициативности, предприимчивости, прагматизма, динамизма и маневренности, присущих многим жителям региона.

Препятствия социокультурной модернизации региона

Послевоенное восстановление инфраструктуры, функционирование объектов социального назначения служит предпосылкой проведения преобразований в различных сферах жиз-

ни. Однако существует ряд тормозящих современное развитие моментов.

Многие жители ЧР обречены на восстановление социальных и демографических ресурсов, социального здоровья, воссоздание быта. Так, общая жилая площадь на 1 человека в Центральном и Северо-Западном федеральных округах в среднем составляет 22 – 24 кв. м., а в Чеченской Республике – 12 кв. м.²⁶. Не удивительно, что общественные настроения, оценка населением своей жизни в республике более пессимистичны, чем в среднем по России. По результатам нашего исследования в ЧР²⁷ удовлетворены своей жизнью 51% опрошенных, две трети относят себя к необеспеченным и бедным.

Общая атмосфера в республике среди некоторой части населения, прежде всего, чиновников, руководителей характеризуется проявлениями гедонизма, распространением потребительских настроений, ориентацией специалистов на обеспечение бытового комфорта, достижение выгоды и не направлена на осуществление ценностей самореализации, всеобщего преуспеяния региона.

Конкурентное поле социальных акторов сужают сращивание власти и бизнеса, правовая незащищенность малого предпринимательства и занятых индивидуальным трудом.

Социальное развитие, совершенствование общественного обустройства сдерживается клановостью во власти, когда подбор и расстановка кадров производится по родственным, земляческим, дружеским признакам, а не с учетом квалификации и деловых качеств. Другим препятствием служит незащищенность населения от произвола чиновников и работников правоохранительных органов, а также коррупция и взяточничество. С такими фактами сталкивались 36% опрошенных жителей ЧР. Тормозом модернизации является также чрезмерная централизация в системе социального управления, недостаточная маневренность в среднем и низовом звеньях, превалирование эмоционально-волевых и организационно-принудительных мер, а не экономических и правовых, низкий уровень компетенции должностных лиц. Это ограничивает проявление творческой инициативы индивидов и групп.

Как показали опросы, люди сознают неизбежность социальной дифференциации, но при этом считают необходимым соблюдение равенства перед этическими и правовыми нормами. Социальное взаимодействие на основе уважения к правовым нормам повышает инновационную, экономическую и общественную активность граждан. Между тем в реальной действительности не ощущается правового равенства. Согласно данным социологического опроса, по мнению 12% граждан равенство перед Конституцией, законом

делает одного человека равным другому, но по мнению 61% их делает равными Всевышний. Последний вариант ответа говорит не только о религиозности, приверженности естественному праву, но и о слабости закона, о незрелости гражданского сознания, правовых форм регулирования социальных отношений.

Особо следует выделить низкий уровень доверия между людьми и во взаимоотношениях власти и населения. Среди опрошенных считают, что можно доверять всем людям — 1% респондентов, большинству людей — 23%. Низкий уровень доверия в постконфликтной ситуации свидетельствует о том, что не преодолены гуманитарные травмы, в социальном управлении главенствует авторитаризм, слабы формирующиеся гражданские институты, отсутствует свобода выражения взглядов и позиций.

Дефицит доверия существует по отношению не только к органам власти, но и к общественным объединениям. Проблема доверия не региональная и не российская, а глобальная. Известный режиссер Юрий Любимов справедливо отмечает: «Весь мир находится в кризисе. И это кризис отнюдь не экономический. Это всеобщий кризис веры, а без веры человек лишается твердой опоры, теряет нравственный стержень, становится игрушкой самых разнообразных, отнюдь не светлых, сил. Результат этого трагичен. Террор, кровавые перевороты, войны»²⁸.

Заключение

Модернизационные изменения — неотъемлемое свойство социальной общности и государственного образования. Они могут протекать эволюционно, в форме общего поступательного прогресса, но могут обрести ускорение в результате проводимых реформ под воздействием специальных программ и проектов преобразований в различных сферах жизни. Регионы России находятся на разных социально-экономических уровнях развития, имеют этнокультурные и религиозные различия, но, как показывают социокультурные портреты регионов, их объединяет общая цивилизационная матрица, общность историко-культурного опыта и базисных социокультурных ценностей. Это служит условием определения стратегии модернизации страны и ее регионов.

Экономика постконфликтного региона развивается по преимуществу экстенсивно, предстоит одновременно проводить индустриальную и информационную модернизации. Их успех будет зависеть, во-первых, от повышения уровня жизни, обеспечения трудовой занятости, преодоления гуманитарных травм и медико-социальной реабилитации жителей. Во-вторых, успех будет зависеть от повышения уровня правовой культуры и правового сознания населения, правовой ответственности чиновников и

сотрудников силовых структур. В-третьих, от совершенствования системы социального управления, демократизации общественной жизни. В-четвертых, от умелого сочетания общественных и индивидуально-групповых интересов, использования традиционных и современных ценностей. При этом исключительно важно содействовать интеграции сопредельных субъектов округа, консолидации интеллектуальных и производственно-технических ресурсов, создавать государственные гарантии инвестиционных проектов, предусматривающих развитие межрегиональных экономических и социокультурных связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Бакланов И.С., Зырянов И.Е.* Социально-философский аспект проблем модернизации российского социума // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 1 (30).

² См.: *Беляева Л.А.* Социальная модернизация в России в конце XX века. – М., 1997.

³ См.: *Берман Н.* Выбесы, господа // URL: http://www.gazeta.ru/culture/2012/03/26/a_4104997.shtml

⁴ См.: *Горшков М.К.* Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологическое исследование. 2010. № 12.

⁵ См.: *Латин Н.И., Беляева Л.А.* От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН // URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/

⁶ См.: Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина. – М.: Весь Мир, 2011.

⁷ См.: *Драч Г.В.* Контекст модернизации // Модернизация России и Европа: сб. материалов / ред. Картунов С.В., Гусейнов В.А. – Ростов-на-Дону, 2006.

⁸ См.: *Дискин И.* Кризис... И все же модернизация! – М.: Европа, 2009.

⁹ См.: Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / отв. ред. В.Г. Федотова. – М., 2002.

¹⁰ См.: *Гагров С.Н.* Социокультурная традиция и модернизация российского общества. – М.: МГУКИ, 2002.

¹¹ См.: Доклад «Культурные факторы модернизации». Фонд «Стратегия 2020». – М., СПб., 2011.

¹² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 22 декабря 2011 г. // URL: <http://kremlin.ru/transcripts/14088>

¹³ См.: Территориальный орган Федеральной службы госстата по ЧР // URL: <http://chechenstat.gks.ru/digital/region13/default.aspx>

¹⁴ См.: Росстат // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm

¹⁵ См. там же.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ См.: Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010).

¹⁸ См.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm

¹⁹ Показатели первичной модернизации рассчитываются методом сравнения стандартного показателя, достигнутого развитыми странами мира в 1960 г. (когда они завершили индустриальную модернизацию и перешли к информационной), с реальным показателем конкретного региона или страны.

²⁰ Индекс рассчитан по методике Центра исследования модернизации Китайской академии наук.

²¹ См.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogil612.htm

²² См. там же.

²³ См.: *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // URL: <http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm>

²⁴ См.: Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М.: Academia, 2009.

²⁵ См.: *Гагров С.Н.* Социокультурная традиция и модернизация российского общества.

²⁶ См.: Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте.

²⁷ Опрос был проведен в 2009 г. Численность опрошенных составила 1000 человек.

²⁸ Цит по: *Берман Н.* Вы бесы, господа // URL: http://www.gazeta.ru/culture/2012/03/26/a_4104997.shtml

Аннотация

В статье рассматриваются социально-исторические периоды, тенденции, социокультурная специфика и уровень модернизации Чеченской Республики. Характеризуются социальные изменения и препятствия модернизации региона.

Ключевые слова: социокультурные ценности, модернизация, постконфликтный регион, социокультурный портрет, социальное благополучие.

Summary

The article considers the sociohistorical periods, tendencies, sociocultural specifics and level of modernization of the Chechen Republic. Social changes and obstacles of modernization of the region are characterized.

Keywords: sociocultural values, modernization, post-conflict region, sociocultural portrait, social wellbeing.